

Особенности оккупационной повседневности белорусско-российского пограничья (1941—1944 гг.)

Е. А. Гребень, Е. Е. Красноженова

Аннотация. В статье рассматриваются особенности повседневной жизни гражданского населения белорусско-российского пограничья в условиях нацистской оккупации 1941—1944 гг. Реконструированы механизмы адаптации и практики выживания мирного населения в экстремальных военных условиях. Особое внимание уделено анализу политики оккупационных властей в отношении местного населения. Показаны формы противодействия граждан оккупационным администрациям, начиная с уклонения от уплаты натуральных налогов сельчанами и заканчивая участием в партизанском движении. Проанализирована проблема взаимоотношений партизан и местных жителей на оккупированной территории белорусско-российского пограничья.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северо-Запад, Витебская область, пограничье, германская оккупация, повседневность, стратегии выживания, голод.

Abstract. The article examines the features of the daily life of the civilian population of the Belarusian-Russian borderlands under the Nazi occupation of 1941—1944. The mechanisms of adaptation and practice of survival of civilians in extreme military conditions are reconstructed. Particular attention is paid to the analysis of the policy of the occupation authorities in relation to the local population. The forms of opposition of citizens to the occupation administrations are shown, starting with evasion of payment of taxes in kind by villagers and ending with participation in the partisan movement. The problem of the relationship between partisans and local residents in the occupied territory of the Belarusian-Russian borderland is analyzed.

Key words: The Great Patriotic War, the North-West, Vitebsk region, the border, the German occupation, everyday life, survival strategies, hunger.

Оккупация пограничной территории Беларуси и Северо-Запада России явилась особым явлением в истории Великой Отечественной войны. Здесь она была длительной, продолжавшейся с лета 1941 до середины 1944 года. Гитлер планировал колонизировать Россию, заполнить ее гер-

Гребень Евгений Александрович — кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный аграрный технический университет. E-mail: greben.evgenij@gmail.com; *Красноженова Елена Евгеньевна* — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. E-mail: eleena@inbox.ru.

Greben Evgeny A. — PhD (History). Belarusian State Agrarian Technical University. E-mail: greben.evgenij@gmail.com; *Krasnozhenova Elena E.* — doctor of historical sciences, professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. E-mail: eleena@inbox.ru.

манским населением. В одночасье, с того самого момента, когда в деревню или город входили, въезжали на своих машинах, велосипедах, мотоциклах завоеватели, у людей рушился привычный мир. Казалось, что только вчера праздновали 1 Мая, отправляли детей в пионерские лагеря, сажали картошку и ходили по выходным в кино. И вот уже ровным счетом ничего не осталось от прежней жизни. Два месяца войны многое изменили в сознании гражданского населения. Ушли на фронт мужья и братья, исчезли продукты из магазинов, и все понимали, что придется много работать, скудно есть, жить ожиданием и надеждой.

Война оставила неизгладимый след в памяти гражданского населения. Жутко было выйти из дома и увидеть виселицы, самоуверенных оккупантов, по-хозяйски распоряжавшихся на улицах, срывавших привычные вывески, вывешивавших безапелляционные приказы: «Явиться в комендатуру для регистрации!», «Не выходить из домов после 17 часов!»; «Сообщать о коммунистах и евреях!»; «Бургомистрам и старостам! Сообщите еще раз населению, что все, у кого будут найдены партизаны или которые будут поддерживать партизан, будут строго наказаны вплоть до расстрела»¹.

Особое значение имеют воспоминания о начале войны: «В 1941 году я окончил 7 классов 26-й ленинградской школы и вместе с младшими сестрами Женей и Шурой поехал на каникулы к бабушке Ирине Васильевне в деревню Заборовье возле Гдова. А через 10 дней началась война...»²; «Я с родителями и 11-летней сестрой жила в Ленинграде, но в июне 41-го года папа привез нас на лето к бабушке и дедушке в деревню Сорокино на Псковщине³; «До войны наша семья жила в красивой лесной деревне в 76 дворов на берегу Ловати. В старину через наши края проходил знаменитый путь “из варягов в греки”. По Ловати все деревни располагались неподалеку друг от друга и стояли на государственных землях... Первые мои воспоминания связаны с бомбежками. Как все гремело и грохотало, как прятались в погребе. Бабушка Александра — мамина мама — жила в 7 километрах от нас, и в ее дом попала бомба. Она в этот момент была в огороде и уцелела, перешла жить к нам. Мы переселились в окопы, но скоро и там стало жить невозможно...»⁴

Трагедия жителей осажденного Ленинграда иногда несколько затмевает в нашей памяти судьбу населения региона, находившегося под оккупацией нацистов. Несколько десятков тысяч ленинградцев оказались на оккупированной врагом территории. В начале июля 1941 г., захватив города Остров и Псков, немецкие войска вторглись в пределы Ленинградской области. К осени 1941 г. из 72 районов области они полностью заняли 51 район и 12 районов частично. Кроме Острова и Пскова были оккупированы Новгород, Луга, Выборг, Гдов, Старая Русса, Порхов, Кингисепп, Красногвардейск (Гатчина), Пушкин, Слуцк (Павловск), Петергоф (Петродворец) и другие⁵. Оккупационная политика являлась частью борьбы за Ленинград, поскольку она была призвана обеспечить безопасность военных коммуникаций и порядок в тылу группы армий «Север».

Пограничные с Северо-Западом России районы Витебской области в период германской оккупации 1941—1944 гг. входили в состав двух крупных административно-территориальных единиц. Восточная часть белорусского пограничья (Городокский, Витебский, Лепельский,

Ушачский, Полоцкий, Верхнедвинский, Россонский районы) ⁶ входила в состав тыловой зоны германской группы армий «Центр» и управлялась германской военной администрацией в лице командующего тылом группы армий «Центр». Созданная летом-осенью 1941 г. местная вспомогательная администрация (волостные, районные, городские и окружные управы) подчинялись германским полевым (фельд-) и местным (ортс-) комендатурам. Планируемая передача власти в регионе от военных властей гражданской оккупационной администрации не была реализована по причине того, что немцы не реализовали поставленные задачи на фронте (взятие Москвы и оккупация европейской части РСФСР). Все три года оккупации северо-восточная Витебщина оставалась прифронтовым регионом. Районы западной части Витебщины, находившиеся под управлением гражданской оккупационной администрации генерального округа Беларусь, не имели границы с РСФСР и в статье не рассматриваются.

Особенностью белорусско-российского пограничья было наличие крупных лесных массивов, которые являлись базой для масштабного движения Сопротивления. В пограничных с Северо-Западом РСФСР районах было создано несколько партизанских зон: Суражская, Полоцко-Лепельская и Россонско-Освейская (последняя смыкалась с партизанскими зонами Калининской области РСФСР).

Силы немцев в регионе были представлены 201-й (штаб в Лепеле) и 286-й (штаб в Витебске) охранными дивизиями и отдельными подразделениями вермахта, различными силовыми структурами (абвер, тайная полевая полиция (ГФП), фельджандармерия), белорусской вспомогательной полицией, подразделениями русских (Русская освободительная народная армия Б. Каминского, Русская национальная народная армия, 1-я Русская национальная бригада «Дружина» Гиль-Родионова), литовских, украинских, татарских (полицейские батальоны) коллаборационистов ⁷.

Для военной администрации было характерно отсутствие ставки на белорусский национализм, что имело место в генеральном округе Беларусь. Военная администрация не считала этот вопрос актуальным и заботилась исключительно об экономической эксплуатации захваченных территорий. Поэтому здесь были слабо представлены белорусские национальные организации, (например, Белорусская народная самопомощь), за редким исключением коллаборационная пресса издавалась на русском языке, на нем же в подавляющем большинстве велось делопроизводство местной вспомогательной администрации.

Городская повседневность белорусско-российского пограничья периода оккупации не отличалась кардинально от других регионов и определялась следующими моментами. Одной из актуальнейших для горожан проблем являлась жилищная. Образовавшийся в ходе боев колоссальный дефицит жилья выработал у горожан различные способы решению проблемы. Практиковались самовольные вселения в пустующие дома и квартиры, попытки представить арендное жилье как свое собственное путем подачи в суд соответствующих заявлений, происходили конфликты между наследниками по поводу принадлежности недвижимости ⁸.

Население оккупированных районов пограничной территории Беларуси и Северо-Запада России испытывало проблемы с продовольствием. Поиск еды стал самой массовой практикой выживания населения рассма-

триваемой территории, нашедшей свое место в воспоминаниях очевидцев событий оккупации: «... у нас с мамой ничего не было. Зимой теплой одежды не было. То, что было на нас, в заплатах. На ногах — чуни, а то и лапти; летом — босиком. Что мы ели в окопные годы? Помню только траву. Особенно вкусной была лебеда, но на второй окопный год ее находили редко. Не выращивали ничего: нечего было сажать, да и грядки выдали бы нас. В лесу живности не было; речка маленькая, без рыбы. Ели то, что росло в поле, в лесу. И зимой кору ели...»; «... к декабрю никаких продуктов у нас не осталось. В углу дома была крысиная нора. Однажды нам повезло — нашли в ней несколько картошек. Съели их вместе с кожурой. Ходили (часто под обстрелом) в Марьино, на бывшие колхозные поля, где под полуметровым слоем снега иногда находили капустные кочерыжки. Охотились за убитыми лошадьми. Жители умирали один за другим»⁹.

В начале июня 1942 г. в ряде районов оккупированной Ленинградской области немцы ввели карточки на хлеб. В различных областях были установлены различные нормы, но даже самые высокие из них не обеспечивали нормального существования¹⁰. По данным отделений СД, одними из самых высоких были нормы выдачи хлеба в пос. Сиверском Гатчинского района Ленинградской области: для работающих они составляли 300 г хлеба или 225 г муки, а для неработающих — 150 г хлеба или 110 г муки¹¹. В среднем в захваченных районах Ленинградской области рабочим и служащим выдавалось по 200 г хлеба в день и изредка продавалась соль, являвшаяся большим дефицитом, по 100 руб. за кг. Зимой 1942 г. в некоторых городах прифронтовой полосы выдача хлеба была полностью прекращена.

Необходимо отметить, что и по установленным голодным нормам продовольствие выдавалась не полностью и не всем жителям. Неработающие получали продукты питания по остаточному принципу. Лишались права на получение продуктовых карточек лица, не зарегистрированные на бирже труда, семьи коммунистов, семьи военнослужащих Красной Армии, евреи и другие граждане, не угодные оккупантам. Во многих оккупированных немцами областях продукты выдавались только лицам, работающим на предприятиях или в учреждениях оккупационной и коллаборационистской администрации.

Для гражданского населения, привлеченного оккупантами к выполнению различных работ, с конца 1942 г. практиковалась выдача продовольственных пайков в форме производственного питания. Однако за невыполнение заданий в качестве наказания люди могли лишиться и их. В Тосненском районе Ленинградской области рабочие трудились с 6 час. утра и дотемна, за что получали всего по 200 г хлеба-суррогата. Жители поселка Песочный Мох Лужского района, работая на торфоразработках, получали 300 г хлеба и 6 руб. в сутки¹². Жители поселка Вырица в возрасте от 13 до 70 лет работали на строительстве дорог. Получая в качестве недельного пайка 1,6 кг хлеба с опилками, 70 г крупы, 70 г масла, 70 г кофе, 70 г сахара. На предприятиях Вырицы рабочим выделялось 300 г хлеба и выплачивалась зарплата до 8 руб. в день (причем стоимость хлеба — 2 руб. 10 коп. — вычиталась из заработной платы)¹³.

Снабжавшееся продуктами по карточкам городское население все три года оккупации терпело голод, что вынуждало многих горожан ис-

кать альтернативные источники получения продуктов питания путем обмена сохранившихся с довоенных времен промышленных товаров на продукты питания или спекуляции на рынке. Многие горожане вынужденно практиковали огородничество и держали скот ¹⁴.

Работа рынков официально разрешалась, но продовольствие оккупанты конфисковывали. Поэтому процветала «черная» торговля продуктами питания по исключительно высоким ценам, недоступным подавляющему большинству населения. Так, Лилия Осипова, жительница г. Пушкин, в своем дневнике 12 ноября 1941 г. отметила работу городского рынка: «Голод принял уже размеры настоящего бедствия. На весь город имеется всего два спекулянта, которым разрешено ездить в тыл за продуктами. Они потом эти продукты меняют на вещи. За деньги ничего купить нельзя. Да и деньги все исчезли... Хлеб стоит 800—1000 руб. за килограмм, меховое новое пальто — 4000—5000 рублей... Совершенно сказочные богатства наживают себе повара при немецких частях...» ¹⁵

Существенное повышение цен было отмечено и в постановлении коменданта г. Красногвардейска Вегенера, который указывал, что «спекулятивная торговля съестными продуктами и др. предметами первой необходимости привела к такому повышению цен, что широкие массы населения не в состоянии их приобрести» ¹⁶.

Стратегией выживания стала предпринимательская деятельность. Например, к 1943 г. на учете в Витебской городской управе состояло свыше тысячи граждан, занимавшихся оказанием населению бытовых услуг (парикмахерские, швейные, сапожные мастерские) или работавших в сфере общественного питания ¹⁷. Помимо официально зарегистрированных предпринимателей работало также множество нелегалов, уклонявшихся от уплаты налогов ¹⁸.

Выживание жителей сельской местности зависело от наличия в семье трудоспособных, размера участка пашенной земли, скота и инвентаря. Немецкие власти в начальный период оккупации сохранили коллективные хозяйства. Фактически земля, тяглый скот и инвентарь осенью 1941 г. были поделены между членами колхозов. В случае невозможности выделить каждой семье коня или корову, существовала практика закрепления нескольких хозяйств за одним животным. Лицо, в чьем попечении находилась лошадь, было обязано предоставлять ее остальным членам общины для обработки земли.

За пользование пашенными землями члены сельской общины платили немцам натуральный налог зерном, мясом, молоком, яйцами. Сбор налогов осуществлялся через старост. Так, годовые нормы на сдачу сельскохозяйственных продуктов в оккупированных районных Ленинградской области были следующие: молоко — 400—450 л с коровы, по 30 яиц с курицы, по 3000 кг картофеля с га, зерновые культуры по 300 кг с га ¹⁹.

Естественное стремление крестьян не платить оккупантам порождало различные приемы уклонения от уплаты натуральных налогов. Практиковалась подача заявлений в органы местной администрации о, якобы, реквизициях продуктов партизанами, приводились аргументы в виде неурожаев, отсутствия возможности в полной мере обрабатывать земельный надел.

Все вышесказанное справедливо лишь по отношению к жителям деревень, которые продолжительное время более-менее надежно контролировались оккупационными властями. Как правило, это были населенные пункты, прилежавшие к основным коммуникациям и центры некоторых волостей, в которых размещались гарнизоны немцев и местной полиции. В таких деревнях, несмотря на сопротивления граждан, хоть и не в полной мере, но взимались налоги, жители привлекались к исполнению обязательной трудовой повинности, мобилизация в Германию осуществлялась путем рассылки повесток через сельских старост, а не в виде прямого захвата людей, существовала возможность посещать рынки и медицинские учреждения в городе²⁰.

Организованной системы здравоохранения на оккупированных территориях не существовало. Все медицинские услуги были платными, недоступными в условиях войны и оккупации. Так, с декабря 1942 г. на территории Волосовского района Ленинградской области посещение врача в амбулатории стоило от 10 до 20 руб. За день пребывания в больнице нужно было платить 20 руб. При этом медикаменты, продовольствие и белье больной должен приобрести сам. Получение медикаментов стоило 5 руб. Прием родов на дому — 25 руб. Процедуры обходились в 2—3 рубля²¹. Нечеловеческие лишения, голод, недоступность медицинской помощи подтачивали здоровье людей, что неизбежно вело к возникновению эпидемий. Все это вызывало высокую смертность среди населения.

В то же время, учитывая, что партизаны контролировали значительную часть сельской местности, часть гражданского населения жила в совершенной иной реальности. Находящиеся в глубине партизанских зон деревни посещались немцами sporadически, в ходе антипартизанских акций. Налоги из таких деревень не поступали, волостные администрации не функционировали, а отправка населения на принудительные работы в Германию была возможна только путем прямого захвата людей в ходе карательных операций. Главы сельских администраций были или ликвидированы партизанами, или сотрудничали с ними, или же практиковалось поочередное исполнение обязанностей сельского старосты всеми совершеннолетними мужчинами по очереди. Естественно, что налоги в таких деревнях собирались исключительно в пользу партизан. Они могли собираться хаотично, путем периодических реквизиций продуктов питания по мере необходимости, или же в организованной форме, когда представитель партизан осуществлял руководство посевной и уборочной кампанией, и каждая семья сдавала фиксированный натуральный налог.

Отношения партизан и местных жителей завесили как от дисциплины в конкретном отряде, который контролировал определенную территорию, так и от места рождения или жительства до войны его личного состава. Наиболее охотно помощь оказывалась партизанским отрядам, сформированным из местных уроженцев. Родственные или соседские связи определяли корректное отношение партизан к местным жителям, которые, в свою очередь, понимали необходимость помощи.

Иначе обстояло дело с отрядами, сформированными на территории РСФСР, но действовавшими на территории Беларуси (Смоленский

полк Садчикова в Полоцко-Лепельской зоне, Калининские бригады в Россонско-Освейской зоне), а также с красноармейцами-окруженцами, влившимися в белорусские отряды. Не будучи связанными с местными жителями родственно-соседскими узами, такие бойцы не проявляли лояльности в процессе сбора продуктов у населения, порой демонстрировали немотивированную жестокость, забирая последние продукты или откровенно не нужные партизанам вещи²². А.Г. Григорьев, комиссар 3-го партизанского полка 3-й Ленинградской партизанской бригады отмечал, что «в 1941—1942 гг. население нам не помогало в смысле продовольствия, приходилось самим действовать. Приходилось ходить по деревням и уже силой забирать скот, продовольствие. А в 1943 г. население уже само приносило нам добровольно. Немцы стали забирать скот у населения, тогда народ стал прятать и отдавать партизанам»²³.

Если характеризовать отношение населения пограничной территории Беларуси и Северо-Запада России к партизанам, то оно в подавляющем большинстве было положительным. Массовой настороженности к партизанам со стороны граждан, как это было в западных районах Витебщины в составе генерального округа Беларусь, здесь не наблюдалось.

Повседневной реалией для жителей партизанских зон стала перманентная угроза смерти. Для очищения районов, насыщенных партизанскими отрядами, немецкое командование в течение всего периода оккупации систематически снаряжало особые карательные экспедиции из частей и подразделений регулярных войск, часто снимаемых с фронта. В ходе антипартизанских акций гитлеровцы рассматривали мирное население конкретного района как пособников партизан и исходили из принципа коллективной ответственности, уничтожая нетрудоспособных и тотально угоняя в Германию на работу трудоспособных граждан. Например, на территорию партизанского края, расположенного в Ленинградской области, в 1942 г. было направлено 3 карательные экспедиции численностью от 6 до 10 тыс. солдат и офицеров каждая, имевших на вооружении танки, тяжелые минометы, артиллерию и авиацию²⁴.

В результате, фактически все жители партизанских зон вынуждены были (порой неоднократно и по многу месяцев) скрываться от карателей в лесах, проживая в семейных лагерях под охраной партизан или автономно. Следствием продолжительного нахождения людей в лесу стали перманентный голод, экстремальная гастрономия, педикулез, отсутствие возможности соблюдения гигиены, риск смерти от эпидемических заболеваний.

Таким образом, можно констатировать, что, если повседневная жизнь городского населения белорусско-российского пограничья не имела ярко выраженной специфики по сравнению с регионами, находившимися в глубине оккупированной территории, то для значительной части сельских жителей повседневность определялась наличием в регионе крупных партизанских зон. Как следствие, контакты с немцами для многих людей носили спорадический характер, существовала перманентная опасность быть убитыми в ходе многочисленных карательных операций, на протяжении многих месяцев гражданам приходилось переносить всевозможные лишения в лесных лагерях.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20—59—00004; № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941—1944 гг.».

The reported study was funded by RFBR and BRFB, project number 20—59—00004; number Г20Р-287 «People and power: occupiers, collaborators and partisans on the border territory of Belarus and North-West Russia in 1941—1944».

1. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 3355, оп. 4, д. 95, л. 4—119.
2. ИВАНОВА И. А. За блокадным кольцом. (Воспоминания). СПб. 2010, с. 23.
3. Там же, с. 31.
4. Там же, с. 34.
5. КРАСНОЖЕНОВА Е. Е., КУЛИК С. В., КУЛИНОК С. В. Повседневная жизнь ленинградского студенчества в период оккупации и блокады: 1941—1944 гг. (на материалах Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина). — Вопросы истории. 2020. № 8, с. 76—83.
6. Названия административно-территориальных единиц приводятся по состоянию на настоящее время.
7. КОВТУН И. Охранные дивизии вермахта: уничтожение гражданского населения и борьба с партизанами. — Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2014. № 1 (5), с. 91—108; РОМАНЬКО О. В. Немецкая оккупационная группировка и силовые структуры на территории Белоруссии. — Военно-исторический журнал. 2008. № 6, с. 23—26.
8. Государственный архив Витебской области (ГА ВО), ф. 2073, оп. 8, д. 496, 497, 500, 503, 505, 506, 511, 514.
9. ИВАНОВА И. А. Ук. соч., с. 22.
10. Например, в Нижнем Поволжье в 1943 г. нормой снабжения иждивенцев и детей было 300 г хлеба. См.: КРАСНОЖЕНОВА Е. Е., КУЛИК С. В. Социально-экономическое регулирование пространства детской повседневности в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области). — Вопросы истории. 2019. № 5, с. 120—129.
11. ЛОМАГИН Н. А. Неизвестная блокада. СПб. 2002, с. 274.
12. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), ф. 24, оп. 2, д. 49, л. 15об.
13. ЦГАИПД СПб, ф. 0—116, оп. 9, д. 236, л. 2—3.
14. ГРЕБЕНЬ Е. А. Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941—1944 гг.): монография. Минск. 2016, с. 351—417, 431—433.
15. «Свершилось. Пришли немцы!» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны (сост. и отв. ред. О. В. Будницкий). М. 2015, с. 94.
16. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 3355, оп. 13, д. 16, л. 14.
17. ГА ВО, ф. 2073, оп. 2, д. 256—1302.
18. ГРЕБЕНЬ Е. А. Предпринимательская деятельность жителей г. Витебска в период немецкой оккупации (1941—1943 гг.). Vesture: avoti un cilveki. Proceedings of the 17th International Scientific. Readings of the Faculty of Humanities. History XI. Daugavpils: Saule. 2009, с. 108—115.
19. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ГКУ ЛОГАВ), ф. Р-1249, оп. 1, д. 169, л. 79—85.
20. Воспоминания Снежин Станиславы, записаны 18 апреля 2014 года в деревне Жигули Верхнедвинского района; аудиозапись (57 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве Е. А. Гребеня.
21. ЛОМАГИН Н. А. Ук. соч., с. 265.
22. ГРЕБЕНЬ Е. А. Партизаны в воспоминаниях очевидцев нацистской оккупации Беларуси. Vesture: avoti un cilveki (Saleniece I., ed.). History: Sources and People. XXI. — Daugavpils: Daugavpils University Academic Press “Saule”. 2018, с. 90—97; Воспоминания Бондаре-

вой Евгении, записаны 12 мая 2019 г. в деревне Великое Болото Россонского района; аудиозапись (9 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве Е. А. Гребеня; Воспоминания Полевечко Марии, записаны 12 мая 2019 года в деревне Якубово Россонского района; аудиозапись (45 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве Е. А. Гребеня.

23. ЦГАИПД СПб, ф. 4000, оп. 10, д. 259, л. 60б.

24. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 625, оп. 1, д. 11, л. 412.